

Когда Элла Гринграсс почувствовала, как одна из рук Гарри Поттера нащупала ее кисть, прижимая ее к стене, она поняла, что создала монстра. Ее действия, несомненно, привели к тому, что она преуспела в достижении своей цели и возбудила интерес великолепного, могущественного мужчины, который пленил ее дочерей. Возможно, она даже преуспела слишком хорошо. Он прикасался к ней самое большее тридцать секунд, а у нее уже кружилась голова от сочетания возбуждения, тревоги и унижения.

Он прижимал ее к стене, вот так, на ее собственной кухне, и это становилось еще более напряженным из-за того, что они были не одни в ее доме. Леди Трамбле, жена незначительного члена избирательного блока, возглавляемого мужем Эллы Эдмундом, находилась в гостиной, когда все это происходило. Была только одна стена, отделявшая женщину от ошупывания Эллы, и эта стена даже не была заглушена. Это было безумно рискованно.

Леди Трамбле была здесь, чтобы попытаться заслужить благосклонность, проведая Эллу, чтобы узнать, нужна ли ей или будет нужна какая-либо помощь, пока ее мужа не будет. Забавно, насколько очевиден был ее план. Несмотря на то, что Элла все равно бы точно поняла, что она пытается сделать, тот факт, что она пришла всего через несколько минут после того, как Эдмунд уехал в свою поездку, и все же она не знала, когда он уехал или куда он собирался, показал бы, насколько она не заинтересована в том, чтобы на самом деле помочь Элле. Она была здесь исключительно для того, чтобы попытаться добиться политической благосклонности для себя и своего мужа.

Эдна Трамбле большую часть времени была ниже ее внимания, но тот факт, что она была такой же ужасной сплетницей, как и большинство членов общества чистокровных, вызывал здесь беспокойство. С такой женщиной, как эта, по другую сторону стены, Гарри, пробравшийся в засаду на ее кухне, когда она пришла за прохладительными напитками, сделал это невероятно рискованным. Гарри было все равно. Он ни с того ни с сего сорвал с нее мантию, стащил с нее нижнее белье (оставив в покое чулки) и прижал ее к стене, чтобы ошупать, как ему заблагорассудится.

Она попыталась закричать от страха, что ее застали врасплох, но он прервал ее заклинанием молчания. Это устранило бы по крайней мере одну проблему, но он снял заклинание, как только взял ее под контроль. Как будто риск быть услышанным ее гостьей был чем-то, что усиливало его желание. Казалось, его ни капельки не волновало, будет ли она потише шуметь, так что, насколько она могла судить, он действительно находил этот риск стимулирующим.

Одна из его рук открыто исследовала ее тело, сжимая груди и потирая влагище, хотя он помог ей приглушить шум, схватив ее за горло другой рукой и перекрыв почти весь воздух.

"Ты в моей власти", - прошептал он ей на ухо. "Я здесь главный, как и должно быть. У тебя нет выбора. Но даже если бы он у вас был, мы оба знаем, что вы все равно выбрали бы такой исход." В его словах был смысл. Он был так прямолинеен и откровенен в своем доминировании над ней, что она широко раздвинула ноги, чтобы ему было легче прикасаться к ней, и выгнула спину, чтобы дать ему полный доступ к ее обнаженной груди.

"Может быть, мне просто следует трахнуть тебя и заставить кричать от удовольствия", - прошептал он. "Тогда эта ведьма могла бы рассказать всем в твоей маленькой клике, насколько большая шлюха леди Гринграсс на самом деле. Она могла бы дать им всем понять, что ты такая шлюха, что трахаешься с кем-то другим, кроме своего мужа, менее чем через час после того, как он ушел."

Его массивный член вжался в нее, и Элла запаниковала, задаваясь вопросом, может ли он поступить именно так, как угрожал. Но вместе с паникой пришло сильное возбуждение при этой мысли. Простая реальность заключалась в том, что если бы он это сделал, она не была уверена, что у нее хватило бы силы воли сказать ему, что он не может. Она не была уверена, что сможет отказать ему или его члену, чего бы это ни стоило ее репутации.

"Тебе нравится эта идея, не так ли, шлюха?" - сказал он, хрипло усмехнувшись ей на ухо, почувствовав ее конфликт. Он так интенсивно работал пальцами над ее клитором, что довел ее до оргазма за унизительно короткий промежуток времени. Было бы неловко, если бы он доставил ее туда так быстро, даже если бы он на самом деле трахал ее, но то, что он сделал это, используя только пальцы, было унизительно. Он остановился как раз перед тем, как она смогла выйти, и она покраснела, услышав, как жалко прозвучал ее скулеж.

"Ты уже никогда не сможешь притворяться, что ты не моя шлюха", - сказал он, и она покраснела от искренней насмешки. "Но даже в этом случае я никогда не представлял, что твоя фантазия должна была стать игрушкой для меня; просто игрушкой, которую нужно дисциплинировать и трахать." Он крепче сжал ее горло, теперь не давая проникнуть даже малейшему кусочку воздуха. Но что еще более важно, ни малейший звук не мог вырваться наружу.

Это было полезно, потому что ее реакцию было бы невозможно остановить, когда он зажал ее сосок между пальцами и теребил его, пока она не была на грани того, чтобы пролить слезы. Он поднес палец к ее губам, и по какой-то странной причине она начала жадно посасывать его и обводить языком. Это доказало им обоим, что каждое унизительное слово, которое он только что послал ей, было абсолютно точным, и это на самом деле почти заставило ее плакать от стыда и унижения.

Гарри усмехнулся и медленно начал снова тереть ее клитор, и между этим и рукой на ее горле она чувствовала, что может взорваться от удовольствия и потерять сознание из-за нехватки кислорода одновременно. Но, наконец, он отпустил ее горло, и его пальцы замедлили движение на ее клиторе. Она отчаянно задвигала бедрами, так далеко зашла и так отчаянно жаждала удовольствия, что даже потерлась бы о его пальцы и закричала, чтобы ее сплетничающий гость услышал и потенциально разрушил ее репутацию.

Он даже не позволил бы ей этого сделать. Позже она могла бы поблагодарить его за то, что он все еще чувствует его, но в тот момент она почувствовала явное разочарование, когда он зажал ей рот рукой.

"Перестань быть такой глупой шлюхой", - сказал он. Он усмехнулся. "Твой излом отличается от твоих дочерей. Тебе нравится, когда тебя унижают, да? Астории это тоже нравится, но ее

действительно заводит дисциплинированность, грубость, удушье и просто то, что она обычно добровольно подчиняется. Дафне нравится все понемногу, и ей удобно как доминировать, так и подчиняться. Но вы, леди Гринграсс? Основываясь на том, что я видел до сих пор, зуд, который вам нужно почесать, кажется, сосредоточен вокруг того, чтобы быть униженным и униженным."

Элла заскулила в его руку. Слова прозвучали неприятно правдиво, потому что это, несомненно, был ее излом. Даже она сама осознала это только после того, как прошлой ночью вернулась в свою комнату с кружащейся головой, задаваясь вопросом, что заставило ее подойти к нему в таком состоянии. Но в настоящем его рука, щекочущая ее бедро, заставила ее решить просто покончить с этим. Она отчаянно закивала, прижимаясь к его руке, заставляя его усмехнуться.

"Не волнуйся", - сказал он. "Я найду способ позволить тебе повеселиться, не разрушая твою репутацию или репутацию твоего мужа." С этими словами он резко схватил ее за горло и задушил так сильно, что паника вернулась. Но так же, как и удовольствие, потому что его пальцы терли ее клитор так настойчиво, что это почти причиняло боль. Все это очень быстро вышло из-под контроля, и она издала беззвучный крик, когда ее тело рванулось через край.

Как будто для него было совершенно обычным делом проделывать все это с матерью своих подруг на ее собственной кухне, Гарри осторожно поднял ее, убирая руку от ее горла и снова закрывая ей рот, чтобы она замолчала.

"Быстро соберись", - сказал он. "Даже ваш невежественный гость скоро начнет задаваться вопросом, что вас задержало, так что либо берите себя в руки, либо начинайте придумывать свои оправдания прямо сейчас." Элла кивнула, зная, что он прав. Она достаточно успокоилась, чтобы стоять на собственных ногах без его поддержки. "Хорошая девочка." Он похлопал ее по заднице и развернул, затем стянул с нее мантию через голову, прежде чем она успела даже моргнуть. Несколькими ленивыми взмахами руки его магия вернула ее к тому первозданному виду ведьмы, которой она была до того, как к ней пристали на ее собственной кухне. Она просто стояла там, потрясенная, пока он работал.

"Ну вот, все готово", - сказал он. "А теперь иди и веди себя хорошо. Но избавься от этой ведьмы как можно скорее, не создавая себе никаких проблем с ней в будущем, потому что я не уйду, пока не заставлю твой рот работать. У меня осталось всего двадцать минут, но если придется, я выйду и утащу тебя прямо на глазах у твоего гостя." Она не сомневалась, что он сделает это, если дойдет до дела. Бойфренд ее дочерей не производил на нее впечатления человека, который сыплет пустыми угрозами. "Готова ты или нет, я приду и заберу тебя, если ты оставишь меня ждать, пока у меня не останется восемь минут. Я думаю, что это все равно оставило бы мне достаточно времени, чтобы воспользоваться твоим ртом, чтобы кончить, если бы я достаточно старался."